

Power and psychological science: the experience of mutual relations in pre-revolutionary Russia

N. A. Vlasov^{1,2}

¹Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology, Moscow, Russian Federation

²Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-710-719

Research article

Full text in Russian

The article examines the relationship between power and psychology in the period 1900–1917. In the article analyzes the specifics of relations between officials of the Ministry of Public Education on the one hand and the leadership of two leading psychological institutions (the Psychoneurological Institute, the Psychological Institute) and a number of psychologists (V.M. Bekhterev, G.I. Chelpanov, P.P. Blonsky, S.L. Frank) on the other. As a result of the study, it was found that the relationship between government and psychological science in the pre-revolutionary period was ambivalent, because they combined the need for each other and mutual distrust.

Keywords: history of Russian Psychology; Psychoneurological Institute; Psychological Institute; V. M. Bekhterev; G. I. Chelpanov; P. P. Blonsky; S. L. Frank

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasov, Nikita A. | E-mail: VlasovNA@rgsu.net
Cand. Sc. (Psychology)

Власть и психологическая наука: опыт взаимоотношений в предреволюционной России

Н. А. Власов^{1,2}

¹Институт психотерапии и клинической психологии, Москва, Российская Федерация

²Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-710-719

УДК 159.9

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются взаимоотношения между властью и психологией в период 1900–1917 гг. Проанализирована специфика отношений между чиновниками Министерства народного просвещения, с одной стороны, и руководством двух ведущих психологических учреждений (Психоневрологический институт, Психологический институт) и рядом психологов (В. М. Бехтерев, Г. И. Челпанов, П. П. Блонский, С. Л. Франк) – с другой. В результате исследования было установлено, что отношения между властью и психологической наукой в предреволюционный период носили двойственный характер, т. к. в них сочетались потребность друг в друге и взаимное недоверие.

Ключевые слова: история отечественной психологии; Психоневрологический институт; Психологический институт; В. М. Бехтерев; Г. И. Челпанов; П. П. Блонский; С. Л. Франк

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов, Никита	E-mail: VlasovNA@rgsu.net
Анатолевич	Кандидат педагогических наук

Введение

Будучи частью культуры в широком смысле слова, наука не может существовать вне породившего ее общества. Идеи, научные открытия и жизнь ученых протекают не только в предметно-логической, собственно научной сфере, но и в самых разнообразных социальных контекстах – экономических, политических, классовых и т. п. Особым аспектом истории науки является взаимоотношение ученых и власти, причем чем более авторитарной является политическая система и, следовательно, чем в большей степени непосредственно от нее зависит жизнь общества, тем более рельефно выступает «линия» отношений между государством как основным

и даже единственным господствующим актором, с одной стороны, и научным сообществом – с другой.

Тема отношений между властью и психологической наукой в период, непосредственно предшествующий революциям 1917 г., освещалась в историографии отечественной психологии и в советское время, и в постсоветское. Однако глубина раскрытия этого аспекта истории «науки о душе», равно как и соответствующие акценты, зависели от времени написания соответствующих работ: в трудах советских историков психологии [1–4] эта тема затрагивалась в самых общих чертах и ожидаемо тенденциозно; в трудах современных авторов [5–6], наоборот, проблема изучается и намного глубже, и менее предвзято. Тем не менее все равно остается ряд моментов, не затронутых в этих работах или затронутых в недостаточной степени.

Исходя из приведенных выше соображений, целью исследования стало раскрытие специфики отношений между государственной властью и психологической наукой в царской России в период с 1900 по 1917 г. в рамках более общей проблемы «самодержавие и наука».

Отношения между властью и администрацией ведущих психологических учреждений страны

Для раскрытия специфики отношений между самодержавием и психологией необходимо провести анализ особенностей «политической» истории основных научно-исследовательских учреждений Российской империи и судеб четырех психологов в период с 1900 по 1917 г.

Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге был основан по инициативе В. М. Бехтерева в 1907 г. Организованный преимущественно на частные пожертвования, он хотя и подчинялся Министерству народного просвещения, но мог позволить себе некоторые вольности: в него принимались лица обоих полов и любого вероисповедания, а также лица, окончившие не только классические гимназии, но и коммерческие и реальные училища, учительские институты и другие средние учебные заведения; это позволило открыть доступ к получению высшего образования выходцам из разных слоев общества [7].

В начале своего существования Психоневрологический институт пользовался поддержкой властей. Помощь в создании оказал председатель Совета министров России и министр внутренних дел П. А. Столыпин, посчитавший открытие такого учреждения престижным для страны, а также по причине выявившихся недостатков военно-медицинской службы в ходе Русско-японской войны, в том числе нехватки психиатров, невропатологов и нейрохирургов [8]. 9 июня 1907 г. окончательная редакция дела об учреждении института была представлена на подпись Николаю II, который на первой странице этого документа оставил резолюцию «Согласен», а также написал слова «Быть по сему» на подлиннике устава

этой организации [9, с. 14]. Несмотря на то что создание и последующая деятельность Психоневрологического института субсидировалась благотворителями, В. М. Бехтерев, используя свой авторитет, неоднократно обращался за финансовой помощью к различным государственным структурам и эту помощь получал (правда, не всегда в запрашиваемом объеме). Так, Министерство финансов на строительство и оборудование Противоялкогольного института выделило 325 000 руб.; Министерство народного просвещения – 28 000 руб. на строительство Педологического института; Министерство внутренних дел – 35 000 руб. для строительства клиники для лечения эпилепсии (все указанные учреждения входили в состав Психоневрологического института) [7]. Расширение учреждения привело к тому, что понадобилось новое здание, в силу чего из земель Кабинета Его Величества был выделен участок в 30000 кв. сажень за Невской заставой [8].

Формирование репутации Психоневрологического института в официальных кругах происходило в условиях изначального недоверия и политической подозрительности. Уже в 1908 г., спустя всего год после открытия этого учреждения, начальник столичного Охранного отделения сообщал, что Психоневрологический институт служит местом собраний Петербургской социал-демократической организации и явочным пунктом Центрального и Петербургского комитетов и приезжавших из провинции членов социал-демократической партии. В том же полицейском деле указывалось, что в Психоневрологическом институте в качестве преподавателей работают такие политически неблагонадежные лица, как П. Ф. Лесгафт (бывший под надзором полиции еще с 1871 г.), М. М. Ковалевский (уволенный в 1887 г. из Московского университета и много лет проживший за границей), С. Л. Франк (в прошлом бывший марксистом и ставший на момент описываемых событий кадетом) и т. д. Причиной недовольства властей являлась политическая толерантность В. М. Бехтерева, который сочетал в созданном им институте и научную, и образовательную деятельность, что предполагало присутствие в стенах этого учреждения как студентов (которые были в высшей степени политизированными), так и ученых, составлявших одновременно профессорско-преподавательский состав (среди которых также хватало политически неблагонадежных), причем всех их академик «прикрывал» своим громким в научной и общественной сферах именем. Негативную реакцию властей вызывали не только обучаемые и обучающиеся, но и то, чему учили, так как в силу организаторского размаха В. М. Бехтерева в медицинском, с формальной точки зрения, вузе читались такие «подозрительные» дисциплины, как политэкономия и социология.

В условиях политической реакции, последовавшей за поражением Первой русской революции, борьбу с Психоневрологическим институтом повело профильное ведомство – Министерство народного просвещения. В те годы в империи одним из способов репрессирования оппозицион-

ной молодежи была отправка ее в армию, однако на студентов распространялась соответствующая их статусу «бронь», в силу чего «отдать в солдаты» непокорных было не так просто. В 1909 г. руководство института попыталось добиться у правительства отсрочки по отбыванию воинской повинности для своих студентов, однако тогдашний министр народного просвещения А. Н. Шварц отказался ее предоставить. В этой ситуации В. М. Бехтерев обратился к благоволившему ему премьеру П. А. Столыпину за помощью в решении данного вопроса, и тот предписал удовлетворить ходатайство академика.

Второй этап противостояния руководства Психоневрологического института и Министерства народного просвещения начался с приходом к управлению этим ведомством Л. А. Кассо. Уже известный своим конфликтом с администрацией и профессурой Московского университета в 1911 г. министр повел борьбу с институтом по нескольким направлениям: выступил против предоставления отсрочки призыва в армию его студентов, отказал в утверждении В. М. Бехтерева в качестве президента института в 1913 г., поднял вопрос о политической неблагонадежности профессорско-преподавательского состава, указал на политическую неблагонадежность студентов института, акцентировал внимание на нежелании руководства этого научного и учебного учреждения принимать какие-либо меры в сложившейся ситуации и отрицательно оценил научное и педагогическое значение Психоневрологического института [10]. На основании вышеприведенных соображений Л. А. Кассо рекомендовал закрыть Психоневрологический институт, а его имущество отдать Военно-медицинской академии или Санкт-Петербургскому университету. Однако Совет министров не поддержал его предложение, отметив, что едва ли имеются достаточные основания для немедленного закрытия Психоневрологического института. На этом документе Николай II оставил свою резолюцию: «Согласен». Таким образом, это наступление на институт было отбито.

В очередной раз противостояние руководства Министерства народного просвещения и администрации Психоневрологического института обострилось в конце февраля 1917 г., причем последний глава этого ведомства Н. К. Кульчицкий даже предписал закрыть мятежное учреждение из-за участия его слушателей в антиправительственных выступлениях, однако из-за случившейся вскоре революции это распоряжение не было исполнено [11].

Намного более спокойной в политическом плане была жизнь Психологического института в Москве. Построенный на деньги мецената С. И. Щукина, он, в отличие от Психоневрологического института, был государственным учреждением и входил в состав Московского университета. Имея этот статус, а также учитывая идеологическую бесконфликтность его директора Г. И. Челпанова, можно утверждать, что это научное уч-

реждение было лояльно по отношению к самодержавию. Его официальное открытие в 1914 г. было торжественно организовано, на нем присутствовали, помимо различных ученых, чиновники высокого ранга (градоначальник генерал-майор А. А. Адрианов, попечитель московского учебного округа А. А. Тихомиров) и священнослужители (епископ Анастасий, протоирей Н. Боголюбский), был проведен молебен [12]. На поддержку Психологического института со стороны властей указывал и А. К. Тимирязев, писавший, что «это сооружение является плодом щедрых частных пожертвований и пользуется особым поощрением предрежущих властей» [цит. по 2, с. 335]. Идеологически нейтральный курс Г. И. Челпанова был направлен на то, чтобы деятельность его учреждения в целом соответствовала политике государства, каким бы оно ни было. Это позволило ему сохранить Психологический институт и при самодержавии, и при Временном правительстве, и при Советской власти, причем имя покойной жены своего благодетеля С. И. Шукина, социально чуждого большевикам фабриканта, он носил до 1924 г. (!).

Отношения между властью и отдельными психологами

Теперь следует остановиться на «политических» биографиях отдельных психологов. Карьера В. М. Бехтерева в царской России довольно продолжительное время шла в гору: к 1900 г. он был уже доктором медицины, профессором, академиком, имел ряд государственных наград (ордена Св. Владимира и Св. Станислава) и научных премий (золотая медаль Санкт-Петербургской Академии наук, премия Бэра); ему позволяют открыть экспериментально-психологическую лабораторию при Казанском университете, Казанское неврологическое общество, клинику нервных болезней в Военно-медицинской академии, дают возможность выпускать журнал «Неврологический вестник» [13]. В конце XIX – начале XX в. он публикует ряд работ («Проводящие пути спинного и головного мозга», 1894–1898; «Неврологические и психиатрические наблюдения», 1900 г. и др.), принесших ему не только всероссийскую, но и мировую известность.

Однако по мере нарастания кризисных явлений в обществе отношения В. М. Бехтерева и властей начинают постепенно ухудшаться. Созданный им Психоневрологический институт становится местом концентрации оппозиционной профессуры и студенчества, однако поддержка премьера П. А. Столыпина позволяет академику избежать крупных неприятностей. В 1911 г. на Первом русском съезде невропатологов и психиатров он выступил с речью «О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним» [14], изданную затем в виде отдельной брошюры, в которой в качестве причин указанного явления назвал войны, политические тревоги, алкоголизм, бездушность и формализм школьного обучения, социальные и экономические условия жизни в России того времени в целом, что, естественно, было рас-

ценено как критика самодержавия и установленных им порядков. В 1911 г. был убит П. А. Столыпин, что вызвало ослабление позиций В. М. Бехтерева. В 1913 г. его лишают заведования кафедрой Военно-медицинской академии [10], и в том же году министр народного просвещения Л. А. Кассо сообщил в Совет Психоневрологического института, что не нашел возможным утвердить Тайного Советника Бехтерева на новое пятилетие в звании президента Института.

Намного более ровной выглядит в начале XX века политическая биография Г. И. Челпанова. Защитив в 1904 г. докторскую диссертацию, он тремя годами позже стал ординарным профессором кафедры философии Московского университета, переехав в этот город из Киева. В начале 1910-х гг. создает Психологический институт при этом учебном заведении, пользуясь поддержкой С. И. Щукина (который поставил обязательным условием назначение ученого на пост директора данного учреждения) и властей; в 1917–1920 гг. сменяется четыре ректора, однако Г. И. Челпанов остается на своей должности. Революционные преобразования слабо коснулись его детища, работа в нем велась по еще дореволюционным планам и программам, сам директор был одним из тех, кто согласился сотрудничать с Советской властью. В 1919 г. он, будучи сторонником идеалистических взглядов (!), становится деканом факультета философии Московского университета (возникшего в ходе разделения историко-филологического факультета) [15].

Способность сохранять свое положение и при самодержавии, и при Временном правительстве, и при Советской власти (до 1923 г.) объясняется «политической безличностью» Г. И. Челпанова [16, с. 61]. Идеологически индифферентный, он был в целом лояльным любому режиму, так как его нельзя считать ни социалистом (хотя бы за книгу «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе»), ни консерватором (по свидетельству П. П. Блонского в период студенческих забастовок в Киеве его как бы надо было «полунасиленно» заставлять читать лекции лояльным самодержавию учащимся), ни либералом (в 1911 г. он не поддержал своих коллег по Московскому университету в их конфликте с министром народного просвещения Л. А. Кассо).

Несколько более драматично в политическом смысле складывалась судьба П. П. Блонского, «блудного ученика» Г. И. Челпанова. В 1902–1907 гг. он обучался в Киевском университете, где примкнул к партии социалистов-революционеров и трижды (в 1903, 1905 и 1906 гг.) подвергался аресту и кратковременному тюремному заключению [17]. В написанной в 1930-х гг. и изданной впервые в 1971 г. автобиографической работе «Мои воспоминания» П. П. Блонский не забывает указать на то, что он в студенческие годы увлекался социал-демократической литературой (читал К. Маркса, Г. В. Плеханов и В. И. Ленина) и что «сам был очень недоволен эсеровской партией и решил выйти из нее» [16, с. 74].

Репутация революционера не помешала ему успешно окончить Киевский университет с золотой медалью в 1908 г.. Переехав в Москву, стал вольнослушателем на историко-филологическом факультете Московского университета, по окончании которого в 1910 г. был оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорской деятельности, а в 1913 г., сдав магистерские экзамены, становится приват-доцентом. Конфликт между профессурой этого учреждения и Министерством народного просвещения не затронул молодого преподавателя, как он сам указывал по причине того, что, поддержав этот протест, он «оказался бы поборником того кадетского профессорского произвола и самовластия, которые сам до глубины души ненавидел» [16, с. 117]. Ситуация в первом приближении кажется парадоксальной: действия Л. А. Кассо привели к тому, что Московский университет покинули либерально настроенные преподаватели, которые дальше критики самодержавных порядков не заходили, а П. П. Блонский, имеющий репутацию революционера-радикала (не суть важно, эсера или эсдека), получает возможность осуществлять педагогическую и научную деятельность в этом вузе; парадокс, надо полагать, разрешается просто – после ухода значительной части педагогов в университете возник кадровый голод и на политические «грехи» молодого философа просто закрыли глаза (не исключено, что в то время он отошел от активной оппозиционной деятельности).

Не менее драматично сложилась судьба С. Л. Франка. Как и многие молодые евреи того времени, будущий философ и психолог «ушел в революцию»: формально числясь на юридическом факультете Московского университета с 1894 г., он почти не посещал лекции, а занимался теоретическими спорами в марксистских кружках и даже пропагандой социал-демократических идей. В 1899 г. он был арестован и выслан из Москвы на два года без права проживания в университетских городах, после чего отправился в Германию, где продолжил свое образование [18]. Высылка, по всей видимости, повлияла на политические взгляды С. Л. Франка, так как уже в 1900 г. он написал свой труд «Теория ценности Маркса и её значение», в котором подверг критике экономическую составляющую марксизма. Отдаляясь от социалистической идеологии, он, оставаясь критиком самодержавия, переходит на либеральные позиции, сначала принимая участие в создании «Союза освобождения», а затем став членом кадетской партии. В годы Первой русской революции он критиковал и царскую бюрократию (за ограничение свободы и давление на культуру), и социалистов (за готовность принести свободу и культуру в жертву идеалу социальной справедливости) [19].

Как и многие другие деятели русского «духовного Ренессанса» начала века, С. Л. Франк сменил свое мировоззрение с материалистического на идеалистическое, причем с годами религиозные мотивы начали играть в нем все более заметную роль. Марксистское прошлое и кадетское насто-

ящее, а также еврейское происхождение (в 1912 г. он принял православие) не помешали ученому защитить магистерскую диссертацию и стать преподавателем нескольких высших учебных заведений в Санкт-Петербурге, в том числе уже упомянутого Психоневрологического института [20].

Заключение

Отношения власти и психологии в период с 1900 по 1917 г. характеризовались двойственностью, причем с обеих сторон. Государство нуждалось в работе психологов, особенно в сфере образования, которое становилось все более востребованным в условиях технической модернизации страны и усложнения структуры экономики России; одновременно психологи вызывали у чиновников определенные опасения с точки зрения их политической неблагонадежности. Соответствующе двойственной была и научная политика имперских властей: с одной стороны, поддержка психологических организаций и ученых, с другой – достаточно мягкие, если сравнивать с советским периодом, репрессии.

Двойственным было и отношение самих психологов к власти. С одной стороны, они нуждались в ней, так как государственное финансирование их деятельности напрямую зависело от воли бюрократов от образования, даже несмотря на материальную помощь со стороны меценатов; с другой – будучи гражданами своей страны, они не могли не замечать пороков существующего строя и по-разному боролись с ними (словом или делом).

Таким образом, резюмируя, можно отметить, что отношения между властью и психологической наукой в предреволюционный период носили двойственный характер, в них диалектически переплетались потребность друг в друге и одновременно обоюдное недоверие.

Ссылки

1. Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: Госполитиздат, 2009. 168 с.
2. Будилова Е. А. Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX - начало XX века / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Наука, 2008. 390 с. EDN QKQXYZ
3. Петровский А. В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
4. Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с. EDN SHPKOP
5. Кольцова В. А. Психология в России начала XX века (Предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 10-48. EDN FAPPDD

6. Артемьева О. В. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Институт психологии РАН, 2015. 534 с.
7. История центра // Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева. URL: <https://bekhterev.ru/about/history>.
8. Незнанов Н. Г., Акименко М. А., Коцюбинский А. П., Школа В. М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб.: ВВМ, 2007. 248 с.
9. Акименко М. А. Институт им. В. М. Бехтерева: От истоков до современности (1907-2007 гг.). СПб.: СПбНИИПИ им. В. М. Бехтерева, 2007. 948 с.
10. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
11. Бехтерев В. М. Автобиография: (Посмертная). М.: Огонек, 1928. 51 с.
12. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования: документальная летопись к 100-летию со дня основания / отв. ред. О. Е. Серова, Е. П. Гусева, В. И. Козлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 248 с.
13. Никифоров А. С. Основатель отечественной неврологии и психиатрии В. М. Бехтерев: Зигзаги судьбы и научной жизни. М.: ЛЕНАНД, 2023. 272 с.
14. Бехтерев В. М. Мозг и разум: физиология мышления. М.: АСТ, 2020. 256 с.
15. Марцинковская Т. Д. Хроника жизни и творчества Г. И. Челпанова // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 89-94.
16. Блонский П. П. Мои воспоминания. М.: Педагогика, 1971. 175 с.
17. Марцинковская Т. Д. Хроника жизни и творчества П. П. Блонского // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 201-204.
18. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
19. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. 496 с.
20. Аляев Г. Е. Семен Франк. СПб.: Наука, 2017. 254 с.